

ФУНКЦИИ УКРАИНИЗМОВ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ С ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКОЙ

Аникина Инесса Валериевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянских языков
и зарубежной литературы
Уманского государственного педагогического
университета имени Павла Тычины
aiv_777@ukr.net
orcid.org/0000-0003-2760-8422

Полякова Татьяна Михайловна,
кандидат филологических наук,
заведующая сектором русского языка
отдела языков Украины
Института языковедения имени А. А. Потебни
Национальной академии наук Украины
polyakovamihajlina@ukr.net
orcid.org/0000-0001-5711-9967

Мета. Метою статті є виявлення основних функцій українізмів у російському художньому тексті з філософською проблематикою кінця XIX – поч. XX ст., визначення особливостей і наслідків міжмовної взаємодії у російському художньому творі на рівні мовної норми і літературної практики.

Методи. Автори використовують методи суцільної вибірки українізмів, порівняльно-історичного опису лексики спільного східнослов'янського фонду, порівняльний метод під час визначення специфіки семантичних процесів у структурі лексичних українізмів.

У статті теоретично охарактеризовано принцип українського лексичного запозичення в російському художньому тексті. Функціонування лексичних українізмів у творах В.Г. Короленка та І.О. Буніна розглядається як факт формування російської літературної мови на підставі загальнонародної або народно-розмовної мови. Український мовний елемент як засіб відтворення української культурно-історичної панорами позначається термінами 'культурема' (український лінгвокультурний знак), 'лексичний українізм', 'український лінгвокомпонент'. Лексичні українізми проаналізовано з позицій різних тематичних груп і граматичних категорій, способів введення у художній текст, функціонування у прямій і авторській мові. Обґрунтовано причини залучення українських мовних номінацій у літературно-художні твори жанру повісті, оповідання, нарис. Стабілізація норми вживання лексичних українізмів, їх закріплення у словниковому фонді української літературної мови простежується з урахуванням фіксації одиниць у лексикографічних джерелах значного прошарку, зокрема в сучасних лексикографічних виданнях.

Результати дослідження свідчать про те, що, віддзеркалюючи українську реальність, російські письменники вдаються до вербально-опосередкованого опису, в якому ключовим елементом (інокультурним вербальним стрижнем) є українські мовні компоненти. При цьому спостерігається типовість вибору українських лінгвокультурних знаків у російському художньому тексті з українською тематикою. Встановлено, що українізми переважно представлені у прямій мові, у тій частині художнього тексту, де сукупність іншомовних елементів не має жорсткого обмеження і сприймається природно; формальний зв'язок авторської нейтральної мови з творами на тему українського життя виявляється у використанні колоритних українських лексем, але, відчувачи мальовничу силу українського слова, автор «зберігає» за традиційно-національними об'єктами, явищами їхні українські назви, дозволяючи адресатові сприймати предмет, стан дійових осіб у їхній реалістичній конкретності; наявність низки українських слів у російському художньому тексті пов'язана також і з труднощами відображення інокультурних реалій за допомогою підбору різних типів російських номінацій: проблема полягає не стільки в предметно-логічних відмінностях міжмовних відповідностей лексем, скільки у відсутності в них аналогічних символічних функцій.

Висновки. Автори статті дійшли висновку, що вільне і системне залучення українських лексем у російське літературне вживання, зокрема у творі з українською тематикою, призвело до збагачення російського соціокультурного контексту, до стабілізації культурно-мовної норми, яку зафіксовано в лексикографічних джерелах значного хронологічного прошарку.

Ключові слова: російська літературна мова, російсько-українська міжмовна взаємодія, запозичення, лінгвокультурема.

THE FUNCTIONS OF UKRAINISMS IN A RUSSIAN LITERARY TEXT INCLUDING PHILOSOPHICAL PROBLEMS

Anikina Inessa Valerievna,
PhD in Philology, Associate Professor
at Department of Slavic Languages and Literature
Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University
aiv_777@ukr.net
orcid.org/0000-0003-2760-8422

Poliakova Tatiana Mikhailovna,
*PhD in Philology, Head of the Russian Language Sector
at Languages of Ukrainian Department
A. A. Potebnia Institute of Linguistics
of the National Academy of Sciences of Ukraine
polyakovamihajlina@ukr.net
orcid.org/0000-0001-5711-9967*

Purpose. The purpose of the article is a phenomenon of the basic Ukrainisms functions in a Russian literary text including philosophical problems of 19–20th centuries, description of specific features and inter lingual correlation in a Russian literary text within a language norm and literature practice. **Methods.** The authors use the methods of continuous sampling of Ukrainisms, comparative and historical description of the Eastern Slavic fund vocabulary, comparative method while defining the specific features of semantic processes in the structure of lexical Unrainisms.

The article gives a theoretical characteristic of the principal of Ukrainian lexical borrowing in a Russian literary text. The use of lexical Ukrainisms in the works of V.H. Korolenko and I.A. Bunin are demonstrated as a forming fact of Russian literary language based on the public, national and colloquial speech. A Ukrainian lingual element as a mean of Ukrainian cultural and historical interpretation is defined with the following terms ‘cultural lexeme’ (the Ukrainian linguistic and cultural sign), ‘lexical Ukrainism’, ‘Ukrainian lingual component’.

Lexical Ukrainisms are analyzed within different thematic groups and grammatical categories, the introductive ways into a literary text, the functioning in direct and indirect speech. The reasons for involving of Ukrainian lingual nominations into a literary text of a story, tale and essay have been explained. The norm stabilization of lexical Ukrainisms use, their fixing in the vocabulary of Russian literary language can be identified including the units fixed in lexical and graphical sources of different time periods, current period as well.

Results. The results of the survey prove the fact that Russian writers use verbal and indirect description of Ukrainian real life. Its key element (foreign verbal core) implies Ukrainian lingual components. Simultaneously, there appears the typical choice of Ukrainian lingual and cultural signs in a Russian literary text with Ukrainian themes. Ukrainisms have been identified to be basically present in direct speech – in the part of a literary text where a number of foreign elements may not have strict limits and be received naturally (explicating of the participants of another lingual culture using the native language); the formal bond of author’s neutral speech including the Ukrainian life works is shown while using less colorful Ukrainian lexemes: the author feels a picturesque power of a Ukrainian word and ‘saves’ the traditional and national object determinations their Ukrainian definitions and conceptions. It gives the reader opportunity to perceive an object and the characters’ feelings in their real life; the number of Ukrainian words in a Russian literary text is also connected with the difficulties to interpret foreign realty via the selection of different Russian nominations. The problem include object and logical differentiations of inter lingual correspondence of lexemes, as well as the absence of their similar symbolic functions.

Conclusions. The authors have concluded that easy and systemic inclusion of Ukrainian lexemes into Russian literary use (into the works with Ukrainian themes, in particular) provokes the enrichment of a Russian social and cultural context, the stabilization of cultural and lingual norm that is fixed in lexical and graphical sources of different time periods.

Key words: Russian literary language, Russian and Ukrainian inter lingual correlation, borrowing, lingual cultural lexeme.

1. Введение

Исследование функционирования украинизмов и украинских культурем в текстах русской литературы представляется проблемой многогранной и перспективной. В ее основе лежит освещение таких сложных вопросов, как исторические взаимоотношения соседствующих народов, взаимовлияние близкородственных славянских языков, пути и способы формирования лексического состава русского и украинского языков на основе общеславянского фонда или народно-разговорного языка, специфика творчества того или иного русского писателя (зачастую связанная с автобиографическими фактами), причины ввода украинских языковых элементов в русский художественный текст, их толкование, ассимиляция в русской литературной речи и, как следствие, возможная роль в развитии русского литературного языка и русской лексикографической практики. Решение этих задач выводит научно-исследовательский интерес на более общий уровень компаративного изучения особенностей развития славянских и шире – европейских языков и литератур.

Анализ последних исследований и публикаций. Первоначальный исторический срез интенсивного взаимообогащения восточнославянских культур традиционно определяется периодом XIV – нач. XVIII вв. С середины XX века влияние украинского языка (литературного, административно-делового, устно-разговорной практики) на русский литературный язык подвергается всестороннему изучению (работы Ю.С. Сорокина, В.П. Филина, В.В. Колесова, А.С. Мельничука, В.М. Русановского, И.К. Белодеда и других). Исследования украинских и российских лингвистов основываются на обширном классическом материале по этимологии, сравнительно-историческому языкознанию (Русанівський, 1985: 153–168)). Внимание к украинско-русским языковым контактам в XIX – XX вв., и в частности, на уровне литературно-художественной речи, активизируется в XX веке. Названное направление научного исследования в Украине представлено работами Г.П. Ижакевич, Т.К. Черторижской (Їжакевич, 1953; Черторизька, 1982). Интерес к данному вопросу украинских лингвистов вполне понятен: для представителей поликультурного социума, непосредственных свидетелей украинско-русских культурных связей проблема межязыкового взаимодействия всегда оставалась открытой, актуальной и динамичной. В последнее время предпринято множество различных подходов к освещению причин и последствий вхождения украинских языковых элементов в русскую литературную и разговорную речь, в литературу научного жанра, в практику медийного дискурса (Н.Г. Озерова, И.А. Сеница, Т.М. Полякова) (Озерова, 2009; Сеница, 2006; Полякова, 2014). В связи с новейшими геополитическими условиями развития соседствующих восточнославянских народов проблема русско-украинского языкового взаимодействия исследуется за пределами Украины (Bilaniuk, 2005;

Хашимов, 2018), украинско-русские культурные контакты, отразившиеся в русском литературно-художественном творчестве XIX века, освещаются современными литературоведами и культурологами (Л.Н. Юрченко, О.С. Крюкова) (Юрченко, 2000; Крюкова, 2017).

Простая и понятная на первый взгляд специфика лингвистического описания украинских заимствований в русском художественном тексте в действительности имеет ряд сложных аспектов, обусловленных историко-этимологическим аспектом освещения пути «движения» и «оседания» украинизмов в русском литературном языке – областных, устаревших, разговорных слов, лексем общего восточнославянского фонда или лексем с развившимся семантическим объемом в своей смысловой структуре, часть из которых, по мнению некоторых исследователей, претендует на определение ‘актуализированной’, ‘реактивированной’ украинской лексики, функционирующей в современном русском языке (языке художественных произведений, СМИ). Намечается тенденция к определению ряда украинизмов как ‘новых’ заимствований (Хашимов, 2018: 290), однако прослеживая историю развития семантической структуры лексемы по лексикографическим источникам (включая локальную характеристику) и практику употребления номинации в литературной речи, становится очевидным наличие спорных моментов.

Целью предлагаемой статьи является анализ функционирования украинизмов в русском художественном тексте с философской проблематикой, выявление их основных функций, определение особенностей и результата межъязыкового взаимодействия в русском художественном произведении на уровне языковой нормы и литературной практики. Материалом для исследования послужил ряд художественных произведений В. Короленко (выходца из Украины) и И. Бунина (определенный период жизни которого отмечен пребыванием в Украине).

Методология исследования. Авторы используют метод сплошной выборки украинизмов в русском художественном тексте конца XIX – нач. XX вв., метод сравнительно-исторического описания лексики общего восточнославянского фонда, сопоставительный метод при определении специфики семантических процессов в структуре лексических украинизмов.

2. Функционирование украинизмов в творчестве В. Короленко

Рассказ «В дурном обществе» (1885), повесть «Слепой музыкант» (1887), художественные очерки «Ночью» (1888) и «Парадокс» (1894) связаны с детскими и юношескими воспоминаниями В. Короленко. В основу произведений положены автобиографические факты, наблюдения за судьбами конкретных людей. Тематика произведений обусловлена использованием поликультурных языковых средств, среди которых особое место занимает украинский лингвокомпонент.

Лексико-тематические группы культурем разнообразны и многочисленны. Поскольку главные действующие лица – представители аристократического класса, в произведениях отражена вся разновидность номинаций лиц *панского* сословия, с их падежными формами, включая и форму обращения: *пан, паныч, пане, панычу, панночку, паничку, панычей; панна, панночка, панянка, пани, панной, паней; панёнок*. В тексте функционируют родовые фамилии украинских аристократов, свидетельствующие о влиянии польской и чешской лингвокультур, легендарно-исторические имена, собственные имена людей зажиточных и имена простолюдинов (*пани Потоцкая, Яскульская, панянка Веля, панна Яценко, пан Тыбурий Драб, пан Ян Криштоф Залуский, Войцеховский, Рудницкий, Януш, Петрик, Петрусь, Юрко, Остап, Ставрученки, Гаврило, Хведор Кандыба, Нечипор, Хведько, Микита; Кармелюк, Гнат Карый*).

Группу топонимов и гидронимов (*Киев, Харьков, Запорожье, Клевань, Колодна, Днепр, Прибужье*) дополняет собственное наименование национальной реалии, связанной с торговлей и культурой (*Контракты*). Неоднократное авторское толкование культуры, использование номинации в широком контексте формируют у инокультурного адресата полное представление о *контрактах*: ‘ярмарка в Киеве, где совершаются и крупные сделки, с постоянным конкретно-историческим местонахождением и культурной программой’. Функционирование украинской культуры в русском художественном тексте способствовало закреплению лексемы (в ее лингвокультурном значении) в словарях русского литературного языка (Толковый словарь русского языка: I, 1447; Словарь современного русского литературного языка: V, 1331).

Нарицательные *nomina personalis* содержат информацию о происхождении героев В. Короленко, их социальном статусе (*волынец, шляхтич, крепак*), о житейском занятии лиц (*посессор, подсудок, чумак, покоювка, подпасок*). Украинизмы номинируют личность по возрастному или половому признаку, по поведенческой характеристике, это могут быть экспрессивные наименования, уважительные и ласковые обращения (*дetyна, хлопчик, хлопец, парубок, козачина, дядько* – в знач. «мужчина», *жінка; льцарь, лайдак, гультай, шельма; матышко* и ‘братик’) – уважительные обращения к женщине и товарищу). Присутствуют наименования представителей народного музыкального творчества (*кобзари, бандуристы*), имена лиц, боровшихся за социальную справедливость и внешнюю безопасность украинцев, а также их противников (*казак / козак, кошевой, ватажко, гайдамак, гайдук*). Характерные для речи жителей Западной Украины лексемы *панеж, ксендз, пробоц* номинируют католических церковнослужителей (в просторечно-бытовой практике зафиксировано влияние польской лингвокультуры на украинскую): *пан, шляхта, хлопец, лайдак, покоювка, каплиця, чуприна, забобоны* и другие; по мнению ряда лингвистов, лексемы типа *подпасок, подсудок* являются примером кальки из польского языка с префиксом *под-*, обозначающим подчиненный характер лица, названного производящей субстантивной основой (Ананьева, 2004: 17)).

Подобную историко-культурологическую задачу выполняет культурема *сечь / Сечь*, реализующая следующие значения: самостоятельная военно-политическая сила, объединение – «вольное казачество»; место расположения ее представителей; жестокая битва, резня (*‘Запорожская Сечь’, ‘в Сечи’, ‘мечтая о новой сечи’, ‘жестокая сеча’*) (Короленко: 129, 130, 151, 152).

Тематические группы формируют существительные, которые являются нарицательными наименованиями украинских населенных пунктов, жилищ, церковных храмов, торговых заведений (*местечко, хатка, корчма, костел, каплиця* – «часовня»), номинациями «соседствующих» природных реалий и бытийных занятий жителей Украины (*шлях, топіль, пташка, пугач, шуляк, жнива* – в значении «жатва»).

В. Короленко воспроизводит образ украинца, используя номинации, определяющие физический облик (*чуб, чуприна*), внешний вид в плане традиционной национальной одежды (*свита / свитка*, ‘расшитая малороссийская сорочка’, *кичка, кунтуш, чоботья, чамарки*). Присутствуют культуремы, которые знакомят адресата с творческой деятельностью представителей Украины (номинации музыкальных инструментов – *бандура, кобза*, польского танца, распространенного в Западной Украине, – *краковяк*, украинского – *козак*), бытом (*криница, громница, колесо*), военной атрибутикой (*рушница, сабля, бунчук, булава*); упоминается наименование украинской денежной единицы (*карбованец*), распространенного алкогольного напитка (*горилка*).

Украинский лингвокомпонент поясняется характерным для писателя методом (сноской, содержащей обширную информацию, нередко – с уточнением ареальной принадлежности), постпозитивным пояснением в скобках, различными художественными приемами, например: «Незадолго до описываемого времени в небольшом соседнем имении переменялся “*посессор*”... *В Юго-западном крае довольно развита система арендований имений: арендатор (по-местному “*посессор*”) является как бы управителем имения»; «В углу, занятом иконами, перевитыми плюшем, у Яскульской, вместе с вербой и “*громницей*”*, хранились какие-то мешочки с травами и корнями... **“Громницей”* называется восковая свеча, которую зажигают в сильные бури, а также дают в руки умирающему» (Короленко: 132), ср. с препозитивным эмоционально-образным толкованием культуремы: «Перед иконой тихо разгоралась “страшная свеча”, “*громница*”» (Короленко: 220).

Перечисленные произведения имеют общий характер: они посвящены духовным исканиям украинской аристократии, содержат философские размышления и романтические воспоминания. Это акцентируется соответствующей украинской лексикой, украинскими фразеологизмами (отражающими степень интеллектуального и душевного подъема личности), которые выполняют в произведениях функцию, сходную с функцией латинских вкраплений (*раця* – «смысл, основание», у В. Короленко: «поучение»; *закруты* /колдовские/ – перен. «водовороты, заверты»; *дума / думка* – в знач. «музыкальная народная песенная мелодия, близкая к лирической балладе»; *ошуканство* – «обман», разг. «надувательство»; *сваволя* – «произвол»; *в [добром] гуморе* – «в приподнятом настроении; улыбающийся, жизнерадостный, веселый... // благожелательный, щедрый...») (Словник фразеологізмів української мови, 2003: 174)). Например: «– А ты сегодня в добром гуморе, – угрюмо и язвительно сказал долгоусый... – пишешь приятные афоризмы и раздаешь по сороковнику...» (Короленко: 298). Смысл таких украинизмов обычно понятен из предшествующего или последующего контекста, но может раскрываться (уточняться) и в рамках предложения, в большей степени препозитивным пояснением с подбором русской лексемы, словосочетаниями, близкими по значению: «– Без обману... – добавил он, – без всякого *ошуканства*...» (Короленко: 294).

Большинство украинских существительных выделено средствами графосемантики («*козак*», «*чоботья*», «*чамарки*», «*хатка*», «*каплиця*», «*помеж*», «*посессор*», «*лыцарь*», «*пани*», «*чуприна*»). Заключение лексемы в кавычки маркирует просторечные, разговорные слова – «*покоювка*», «*Хведько*», «*пыка*», а также слова, являющиеся исторически общими для лексики украинского и русского языков, – «*дума*», «*неволя*», «*застава*», «*лотьки*» (таким приемом автор «подчеркивает» их контекстуальную принадлежность к украинской лингвокультуре).

Речь персонажей различного социального уровня характеризуют лексемы, принадлежащие ко всем знаменательным частям речи (*пустити* – «отпустить», *впустити* – «впустить», *кликати* – «звать», *лягаться* – «ругаться»; *добрий* – в знач. «хороший, отменный», *необачный* – «неосмотрительный; опрометчивый», *смутный* – «грустный; печальный; унылый», *щирый* – «искренний; сердечный; душевный»; *особливо; от, ото, самесенькое*). Ряд прилагательных употребляется в частотных словосочетаниях, которые номинируют реалии, характерные для украинской культуры или распространенные в Украине: «*униатская каплиця*», «*посессорская хатка*», «*мазаная хата*», «*казацкие шаровары*», «*смушковая шапка*», «*гайдамацкие могилы*», «*панское величие*».

В. Короленко вкрапливает в русский текст прямую украинскую речь, представляя типичные украинские выражения (восклицательные и вопросительные), грамматические формы и конструкции, фразеологизмы, элементы фольклора. Например: «– *Ото ж воно самесенькое*, – пробормотал Иохим с удовольствием и выбросил в речку все срезанные ранее прутья»; «Наконец, Иохим произнес с задумчивым видом: – *Ото-ж як гарно... Бач, яка воно штука...*»; «– Это ты наслушался речей молодого *Ставрученка...*»; «– В этой истории... есть еще другое лицо, хоть мы напрасно искали здесь *другой плиты*»; «– *Нехай собі*, – благодушно ответил Роман... – *Пташки божиш. Ось як ты их налякав. Де вы тут, бисенята...*» (Короленко: 124, 128, 151, 156). Толкование таких компонентов может осуществляться органически, то есть самим «ходом» повествования: «– “*Цур тобі, нек тобі!*” – произнес он обычное заклинание и тут же прибавил вопрос: – *Чортове, чи боже?* – желая узнать, имеет ли он дело с нечистой силой»; «– *Панычи, панычи, э-эй! Идуть бо до покою! “Идти до покою”*, – значило идти в комнаты...» (Короленко: 125, 292).

Русский литературный критик конца XIX – нач. XX века В. Саводник отмечал: «При написании произведений на украинскую тематику русские писатели использовали «разнообразный исторический материал, но главным источником все же были малороссийские народные песни и “думы”. В них они видели живое отражение прошлой жизни народа, его взглядов, симпатий, стремлений и идеалов, через них они думали постигнуть и передать самый дух той далекой эпохи» (Саводник, 1912: 332). В произведениях В. Короленко *думы* исполняют старые *козаки*, что

дополняет их национальный облик, цитаты *дум* привлекаются для образного описания южной природы – живое восприятие стихии и ее отражение в старинном народном творчестве соединяются в сознании действующих лиц (Короленко: 130).

3. Функционирование украинизмов в творчестве И. Бунина

Рассказы И. Бунина «На край света» (1894) и «Лирник Родион» (1913) с полным правом можно отнести к тем произведениям, которые содержат философские мотивы. Тема переменчивости судьбы, горя и радости человеческой жизни, фрагменты истории национальной общности, неразрывность состояния человека и природы, отражение размышлений в народной лирике – вот те элементы, которые необходимы художнику, пытающемуся разгадать жизнь, уловить наиболее общие законы развития человеческого социума, мысли, природы.

Оба произведения созданы на основе реальных фактов знакомства И. Бунина с Украиной (рассказ о том, как почти все украинское село отправилось на переселение в Уссурийский край в поисках лучшей жизни, и рассказ об украинском лирнике, типичном традиционном незрячем певце, носителе поэтического богатства, истории украинского народа).

Отражение украинской национальной специфики мировосприятия и душевных переживаний предполагает использование соответствующих лингвокультурных средств, и они представлены автором существенным спектром: это нарицательные украинизмы, рисующие этнографический облик персонажа-украинца и воспроизводящие природно-бытовую национальную панораму, музыкальные артефакты (*плахта, свитка, верболозы, гирло, тополи, ‘суховій’, хата, корчма, криница, лира, думи, псалмы*), различного рода наименования лиц, заключающие в себе историческую информацию (*дивчата, льцари, чумаки, бандуристы, лирники*), украинская топографическая лексика, фиксирующая происходящие события во времени и пространстве (*Гадяч, Сула /левый приток Днепра/, Лубны, Умань, Хортица, /Запорожская/ Сечь, Херсонские плавни, Киев, Днепр, Днепрове, Никополь, Полтавщина, Почаев, Карпаты*), номинации украинских православных святых (*Михайловский, Софиевский соборы*). В рассказах фигурируют украинские антропонимы, в том числе просторечные формы и имена выдающихся исторических личностей (*Богдан, Василь Шкуть, Юхым, Зинька*).

По мере «погружения» читателя в украинскую тематику И. Бунин свободно вводит в текст украинизмы в их оригинальной форме, изредка выделяет графосемантическими средствами инокультурный лингвокомпонент или дает постпозитивный перевод в скобках: «Он опять *помолчал* и твердо сказал обычным голосом, без *лиры*...»; «С великой нежностью, но все так же просто передал он горькую “*розмову*” сироты с матерью, – точнее говоря, с “*янголем*” (ангелом), отзывавшимся из могилы за усопшую» (Бунин: 160, 162).

Особое национально-украинское звучание в рассказах И. Бунина приобретает лексика, общая для украинского и русского языков на определенном историческом срезе, характерная для украинского языка и южных областей России, отмеченная в русской лексикографической литературе как периферийная или общенародная, устаревшая, книжная и тому подобная (*сорочка, ветряк, стан, гурт, левада, куци, очерет, воля / «свобода», доля / «жизненный путь», великий / «большой»*). В совокупности с непосредственно украинскими номинациями такие лексемы воссоздают украинский бытийный фон, реализуют визуальную картину украинского пейзажа в русском тексте, например: «В *гирлах* же было совсем лето, много стрекоз вилося над *очеретом*, много *скиглило* *рыбалок*, отражавшихся в серебристых разливах реки» (Бунин: 156) (*гирло* – «укр. букв. ‘горло’, разветвление речного русла, рукав; употр. по отношению к рекам, впадающим в Черное и Азовское моря» (Толковый словарь русского языка: I, 563); *рыбалка* – «юж. рыбная птица чайка»; *скиглити* – «млрс. выть, плакать» (Даль: IV, 116, 196)).

Колорит украинской бытийной панорамы и национального мировосприятия в наибольшей степени отражают оригинальные вкрапления популярных *дум* и *псалмов* (старинных казацких песен, южнорусских сказов) («*Край Дунаю трава шумить*...»; «*Ой, зійди, зійди, / Ясен місяцю!*»; «*Як на Чорному морі, на білому камені*...»), украинские грамматические конструкции («*Що воно таке..?*», «*Вони /батько/ прокинулись сю ніч*...», «*Слухайте ж, люде*...», «*Я ж її годила*...»). Для русского писателя, знакомящегося с украинской историей и культурой, перечисленные элементы являлись связующей нитью отдаленного прошлого и происходящего сегодня, своеобразными «корнями жизни», позволяющими передавать «саму поэзию» украинской реальности, не углубляясь в этнографию и бытописание (Титова, 1965: 494).

Если проследить динамику русского лексикографического представления лексем, функционирующих в творчестве И. Бунина для зарисовки украинской ментально-бытийной панорамы (например, начиная со словаря В. Даля), то будет отмечаться тенденция постепенного отхода от характеристики номинации как устаревшей, исторической, южной или характерной для ряда русских областей, тенденция замены пометы ‘малороссийский’ на ‘характерный для Украины’. Например: «*пáробок*, стар., ныне малорос. парень. Научиша бо и паробци... Влад. Мономах. Слово *пáробок* от *пá* и *робить*...» (Даль: III, 18), «*пáрубок* и (реже) *пáробок*, в рассказах из украинской жизни – парень. *Утомленные дневными трудами, парубки и девушки шумно собирались в кружок*. Гоголь» (Толковый словарь русского языка: II, 56), «*пáрубок*, на Украине: юноша, парень» (Большой толковый словарь русского языка, 2000: 784) (в данном случае имеют место также исторические изменения в семантическом объеме лексемы, обусловленные западнославянским влиянием (Русанівський, 1985: 192)).

Статья в словаре под ред. Д.Н. Ушакова интересна тем, что опускает специфику исторического и локального употребления слова и указывает на его использование в русском художественном тексте с украинской тематикой, что в определенной мере свидетельствует о (предшествующих) предпосылках сохранения украинизма в русском литературном языке.

4. Выводы

Описание жизненных исканий и перипетий украинских персонажей, осмысление человеческого бытия, взаимосвязи человеческой судьбы и природной стихии предполагает выбор определенных групп лексики, содержащей национально-культурный компонент. В произведениях В. Короленко, И. Бунина это украинские *nomina personalis / agentis* с их колоритными украинскими именами собственными, исторические лингвокультуремы, топонимическая и нарицательная лексика, фрагменты украинского поэтического богатства, образцы живой разговорной речи. Такие элементы выполняют в русском художественном изложении номинативную и познавательную-эстетическую функции. Значительная часть украинской лексики явилась маркером украинского исторического и социокультурного контекста, вошла в состав русского литературного языка со стабильной фиксацией в русской лексикографической литературе различного объема, общего и специального типа. Так, современный однотомный толковый словарь русского литературного языка включает существенный спектр номинаций, так или иначе имеющих отношение к Украине (нередко с пометкой этимологического «движения» слов – из польского, венгерского, турецкого языков, что свидетельствует об известных исторических условиях), например, *парубок, хлопец, шляхта, шляхтич, посессор, гайдамак, гайдук, бандурист, лирник, кобза, дума, думка, чуб, гурло*. Часть лексики, интуитивно избранная русскими литературными классиками как передающая «южный» колорит описываемой местности и характеризующаяся как общеславянская, историческая, народно-разговорная или областная, «закрепила» свои позиции в русских словарях в том числе и по причине своей «востребованности», частотности в русском художественном тексте с украинской тематикой (*ветряк, криница, стан, кошевой, булава, бунчук, подпасок, рыбалка, гурт, свита, сорочка, кичка, очерет, лотоки, пугач, закруты, мазаный*) (см.: Большой толковый словарь русского языка, 2000).

Функционирование украинизмов в русском художественном произведении можно рассматривать как «непосредственный» языковой контакт, обуславливающий и процесс, и результат перемещения языковых элементов из одной системы языка (или хронологического среза языка) в другую, который является следствием «опосредованного» языкового контакта – восприятия, усвоения, отбора украинских лингвокомпонентов русским писателем (в случае И. Бунина: личностью, не являющейся носителем украинской культуры, в случае В. Короленко: поликультурной личностью, изначально формировавшейся в среде носителей польской лингвокультуры).

Литература:

1. Ананьева Н.Е. О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В. Г. Короленко). *Языкознание. Славянский вестник*. Москва: МАКС Пресс. 2004. Вып. 2. С. 13–26.
2. Bilaniuk L. *Contested Tongues. Cultural Correction in Ukraine*: Cornell University Press Ithaca and London. 2005. 230 с.
3. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. 1536 с.
4. Бунин И.А. *Собрание сочинений*: в 9 т. Москва : Гос. изд-во худ. литературы, 1965–1967.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
6. Ёжакевич Г.П. Роль М.В. Гоголя в історії російсько-українських мовних зв'язків. *Мовознавство*. 1953. № 11. С. 485–525.
7. Короленко В.Г. *Избранные произведения*. Москва : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1948. 672 с.
8. Крюкова О.С. Романтический образ Украины в русской литературе XIX в. Москва : Наука, 2017. 125 с.
9. Озерова Н.Г. Межкультурная коммуникация в художественном дискурсе Н.С. Лескова. *Мова і культура*. Київ : ВД ім. Дм. Бураго, 2009. Вип. 12. Т. VI (130). С. 100–107.
10. Полякова Т. М. Функционирование украинизма *майдан* в русском политическом медиадискурсе. *Политическая лингвистика*. Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2014. Вып. 4 (50). С. 173–179.
11. Русанівський В.М. Джерела розвитку східнослов'янських літературних мов. Київ : Наукова думка, 1985. 232 с.
12. Саводник В. *Очерки по истории русской литературы XIX-го века*. Москва: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912. Ч. I. 418 с.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Москва – Ленинград : Наука, 1950–1965.
14. Словник фразеологізмів української мови / уклад.: В. М. Білоноженко та ін. Київ : Наукова думка. 2003, 1104 с.
15. Титова В. Примечания. Бунин И. А. *Собрание сочинений*: в 9 т. Москва : Гос. изд-во худ. литературы, 1965. Т. II. С. 485–525.
16. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.
17. Хашимов Р.И. Вчера, сегодня и завтра украинизмов текущего момента. *Вопросы филологии в современных исследованиях*. Елец : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2018. С. 288–296.
18. Черторизька Т.К. Динаміка взаємодії і взаємозбагачення української і російської мов. *Мовознавство*. 1982. № 3. С. 3–9.
19. Юрченко Л.Н. Диалектика образа Украины в творчестве И. А. Бунина : автореферат дисс. ... кандидата филол. наук : 10.01.01. Елец, 2000. 33 с.

References:

1. Ananieva N. J. (2004). O polskom yazyke v proizvedenijah russkoj literatury XIX veka (na primere tvorchestva V. G. Korolenko) [Concerning the Polish Language in the Works of Russian Literature of 19th century (by the example of V. G. Korolenko's Works)]. *Yazykoznanie. Slavyanskij vestnik*. Moscow: MAKS Press. Vyp. 2. 13-26 [in Russian].

2. Bilaniuk L. Contested Tongues. Cultural Correction in Ukraine: Cornell University Press Ithaca and London. 2005. 230 p.
3. Bolshoj tolkovyj slovar russkogo yazyka [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint, 2000, 1536 [in Russian].
4. Bunin I. A. (1965-1967). Sobranie sochinenii: v 9 t. [Set of Works: in 9 V.]. Moscow: State publishing of literature [in Russian].
5. Chertoryzka T. K. (1982). Dynamika vzayemodii i vzayemobahachennia ukrainskoi i rosiiskoi mov [Dynamics of the Correlation and Mutual Enrichment of the Ukrainian and Russian Languages]. *Movoznavstvo*. #3, 3-9 [in Ukrainian].
6. Dal V. (1955). Tolkovyj slovar zhyvogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. [Big Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language: in 4 V.]. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nac. Slovaroj [in Russian].
7. Hashymov R. I. (2018). Vchera, segodnya i zavtra ukrainizmov tekushego momenta [Yesterday, Today and Tomorrow of the Current Ukrainisms]. *Voprosy filologii v sovremennyh issledovaniyah*. Yelets: Eleckij gos. un-t im. I. A. Bunina, 288-296 [in Russian].
8. Korolenko V. G. (1948). Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow: Gos. izd-vo hud. lit-ry, 672 [in Russian].
9. Krjukova O. S. (2017). Romanticheskij obraz Ukrainy v russkoj literature XIX v. [Romantic Image of Ukraine in Russian Literature of 19th century]. Moscow: Nauka, 125 [in Russian].
10. Ozerova N. H. (2009). Mezhkulturnaya kommunikaciya v hudozhestvennom diskurse N. S. Leskova [Intercultural Communication in the Literary Texts of N. S. Leskov]. *Mova i kultura*. Kyiv: VD im. D. Buraho. Vyp. 12. T. VI (130), 100-107 [in Russian].
11. Polyakova T. M. (2014). Funkcionirovanie ukrainizma *majdan* v russkom politicheskom mediadiskurse [Functioning of the Ukrainism *majdan* in Russian Political Media]. *Politicheskaya lingvistika*. Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo gos. ped. un-ta. Vyp. 4 (50), 173-179 [in Russian].
12. Rusanivskiy V. M. (1985). Dzherela rosvytku skhidnoslovianskykh literaturnykh mov [The Sources for the Development of Eastern Slavic Literary Languages]. Kyiv: Naukova dumka, 232 [in Ukrainian].
13. Savodnik V. (1912). Ocherki po istorii russkoj literatury XIX veka [Essays on the History of Russian Literature of 19th century]. Moscow: T-vo «Pechantnya S. P. Yakovleva». P. I, 418 [in Russian].
14. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. [Modern Russian Literary Language Dictionary: in 17 V.]. Moscow–Leningrad: Nauka, 1950–1965 [in Russian].
15. Slovnyk frazeolohizmiv ukrainskoi movy [Dictionary of Phraseological Units of the Ukrainian Language] / Uklad.: V. M. Bilonozhenko ta in. Kyiv: Naukova dumka. 2003, 1104 [in Ukrainian].
16. Titova V. (1965). Primechaniya / Bunin I. A. Sobranie sochinenij; v 9 t. [Remark / Bunin I. A. Set of Works: in 9 V.]. Moscow: Gos. izd-vo hud. Literatury. T. II, 485-525 [in Russian].
17. Tolkovyj slovar russkogo yazyka: v 4 t. [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 V.] / Pod red. D. N. Ushakova. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1935-1940 [in Russian].
18. Yzhakevych H. P. (1953). Rol M. M. Hoholia v istorii rosiisko-ukrainskykh movnykh zviazkiv [The Role of M. M. Hohol in the History of Russian and Ukrainians Correlations]. *Movoznavstvo*. # 11, 485-525 [in Ukrainian].
19. Yurchenko L. N. (2000). Dialektika obraza Ukrainy v tvorchestve I. A. Bunina [Image Dialectics of Ukraine in the Works of I. A. Bunin] : avtoreferat diss. ... kandidata filol. Nauk : 10.01.01. Yelets, 33 [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 21.04.2020
The article was received 21 April 2020